

УДК 37.0

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ. ЧЕЛОВЕК

*М.Д. Щелкунов, декан философского факультета
Казанского государственного университета,
доктор философских наук, профессор, член-корреспондент
Академии наук Республики Татарстан*

Глобализация — знаковая черта нашего времени, ставшая феноменом человеческого существования второй половины XX в. — начала XXI в., затрагивающая все без исключения стороны жизнедеятельности людей и нашедшая свое отражение в различных формах общественного сознания.

Согласно авторитетным исследователям глобализация — процесс универсализации единых для планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах жизни общества, который заявляет о себе замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической зависимостью, глобальными коммуникациями и др.¹

Развитие глобализации обычно связывается с переходом государств от замкнутого к открытому типу экономики, формированием единого экономического пространства, свободным переливом капитала, не знающего национальных границ. Экономический аспект глобализации сопрягается с распространением информационных технологий и средств связи, которые преодолевают прежнюю национально-государственную и культурную обособленность людей, стягивая страны и народы на расстояние «вытянутой руки».

В регионах, почувствовавших «дыхание» глобализации, происходят изменения структуры экономи-

ки; социальной и профессиональной структуры населения; культурных, образовательных и бытовых запросов; жизненных ценностей и приоритетов людей и т. д. Характер этих процессов подчинен в первую очередь целям, приоритетам и ценностям капитализма. Все остальные цели, приоритеты и ценности опосредствованы ими и в случае противоречия с ними приносятся в жертву.

Глобализационные изменения неизбежно вызывают смену сложившейся парадигмы образования, коренившейся в классических и «модернистских» образцах. Эти изменения, пожалуй, самые существенные со времен закрепления в образовательном пространстве Старого света идеалов классического образования. Они составляют содержание глобализации образования.

Глобализация образования — процесс все большего приспособления системы обучения к запросам глобальной рыночной экономики. Нарастающая зависимость последней от знаний (так называемая «экономика знаний») порождает идею создания Единой мировой образовательной системы, основанной на единых образовательных стандартах. Учебная деятельность всех без исключения групп населения становится основным средством развития и воспроизводства, т.е. складывается перманент-

тно обучающееся общество. Резко возрастает спрос на образование, особенно высшее, происходит его массовизация. Развивается открытое и дистанционное обучение. Глобализация порождает маркетизацию образования, которое начинает рассматриваться как сфера предпринимательства, инвестирования средств, оказания платных услуг¹.

Как любое крупное общественно-историческое явление глобализация образования многолика и противоречива. Однако за всеми разнообразными проявлениями глобализации образования скрывается однозначная сущность. А именно, система образования должна быть сориентирована на подготовку высокопрофессиональных узкопрофильных специалистов в области информатики, менеджмента, новейших технологий, маркетинга и т.д., т.е. функционеров, отвечающих вызовам глобальной экономики, постиндустриальной цивилизации, информационного общества. Но не более того! Этим задан глобалистский подход к проблеме образования — оно должно быть функциональной структурой в общей системе глобально экономизирующегося общества. Формирование этой структуры и составляет суть современной модернизации образования.

В результате утверждается парадоксальная ситуация: с одной стороны, происходит невиданное, вплоть до общепланетарного, расширение образовательного пространства людей; с другой — резко, до необходимого минимума суживается пространство образования, нацеленного по определению на развитие полноценной личности! Современный кризис образования есть в этом свете выражение конфликта между прежними универсалистскими парадигмами образования и потребностями глобализации.

Модернизация образования — явление времени, условие современной жизни. Любая национальная система образования, не исходящая из этого, бесперспективна. Не случайно подавляющее большинство государств заявили о том, что качество их систем образования в решающей степени повлияет на национальное процветание. Правда, если под качеством образования понимать только удовлетворение вышеназванным требованиям глобализирующегося общества, то это — одно. Если под образованием иметь в виду образование в человеческом, гуманистическом смысле — это совсем другое. Что именно должно повлиять на национальное процветание: образование только в первом, узком, смысле или во втором, широком?

Между тем в каком бы смысле ни говорилось об образовании, речь всегда идет о формировании и развитии человеческой личности. Человек докапиталистической, а тем более доглобалистской эпохи, отмечает Ф.Ф.Серебряков, присваивал себе свою сущность универсальным образом, через непосредственную включенность в культурно-исторические, хозяйственные отношения со своей средой, включая природу. Это требовало в той или иной форме его личного активного участия; он не только продукт среды, его потребности, интересы в свою очередь формируют «тип среды».

Человек эпохи глобализации тоже активен, но его активность происходит строго в рамках заданных обстоятельств. Она лишь простое воспроизводство его (точнее, ему) заданных условий — выхода ему из них нет, поскольку из глобального мира идти некуда. Человек лишается былой полноты естества, становится функцией вещи, элементом в функциональном взаимодействии вещей, от которого

требуется развить одну из своих сторон — высококвалифицированного, узкоспециализированного работника, производного от своих потребностей. Другими словами, он превращается в живую машину².

«Машина овладевает действительностью очень точно, — писал чешский историк культуры Я.Мукаржевский, характеризуя место и роль человека в эпоху индустриального капитализма, — но она может служить только одной цели... Машина и стала моделью многофункционального существа, которое могло служить только одной, четко ограниченной цели, будучи в то же время не нужным ни в каком ином случае. И человек, творец и хозяин машины, приспосабливается к этой модели...»³.

Меняется ли здесь что-нибудь от того, что «машины» периода информационного общества иные? Нет, суть остается прежней. Более того, «машина» информационной эпохи лишь усугубляет положение вещей: человек вступает с ней в псевдодовверительные, псевдоличностные отношения — происходит аберрация реальности: машина становится его Вергилием, индивид смотрит на мир его «глазами», пользуется его оценками².

Модернизация российской системы образования стартовала в 2003 г., когда в Берлине произошло знаковое событие для судеб отечественной высшей школы: Россия подписала Болонскую декларацию и тем самым открыла дверь в общеевропейское образовательное пространство, т.е. присоединилась к так называемому Болонскому процессу — со всеми отсюда вытекающими правами и обязательствами.

Поскольку в социально-историческом плане Болонский процесс есть выражение тенденций глобализации

в образовании, так сказать в европейском приближении, постольку в нем, как в зеркале, отражаются те изменения в развитии общества и его сфер, которые грядут по мере глобализации жизнедеятельности общественных субъектов.

Российское образовательное сообщество относится к Болонским реформам неоднозначно. Различия в оценке ожидаемых приобретений, с одной стороны, и возможных рисков и потерь начавшейся модернизации образования — с другой, разделили образовательное сообщество на сторонников Болонского процесса (так называемых еврооптимистов) и его противников (европессимистов). Еврооптимисты вдохновлены перспективой скорейшего вступления России во Всемирную торговую организацию, одним из обязательных условий которого является чисто коммерческий (экономоцентрический) подход к образованию⁶. Именно поэтому усилиями сторонников данного подхода для российской высшей школы избрана неолиберальная (читай — американская) модель развития. Закономерным итогом этого пути станет неизбежная трансформация вузов в предприятия образовательного бизнеса, где получение знаний будет обмениваться исключительно на деньги. Такая логика движения ведет к тотальной коммерциализации сферы высшего образования, отсечению от нее малоимущих слоев населения, дальнейшей поляризации общества⁵. Подход европессимистов, напротив, отвечает традициям отечественного образования, духу российской социальности и культуры, т.е. носит культуро- и человекоцентрический характер⁶.

Чем больше сравниваешь цели и ценности Болонского процесса с традициями и особенностями российского образования, тем больше утвержда-

ешься в мысли, что вряд ли возможно оценить эффективность этих целей и ценностей, находясь только внутри собственно образовательной сферы. Какими бы привлекательными ни рисовались перспективы и ожидаемые результаты Болонских реформ, они будут реализованы лишь в той мере, в какой возможна экономическая, политическая и социально-культурная интеграция России в общеевропейский дом. А это уже плоскость более общей проблемы — проблемы взаимоотношения России и Запада, которая имеет многовековую историю, но не имеет, увы, однозначных решений.

Более того, весьма многоплановая и драматичная история этих взаимоотношений хранит немало случаев, способных убедить самого ревностного сторонника западных ценностей в истинности пословицы «Что немцу — за здорово, то русскому — смерть!». Другими словами, неоднократно заимствованный Россией

на Западе успешный опыт хозяйственных и социальных преобразований оборачивался на отечественной почве, мягко говоря, противоречивыми (если не сказать плачевными) результатами.

Где гарантия того, что подобного не повторится в итоге нынешней модернизации российского образования по Болонскому проекту? Не произойдет ли так, что в ходе Болонской реформы Россия утратит все лучшее, что накоплено отечественной высшей школой? Ведь прозападный характер начавшейся модернизации образования не только не скрывается, но открыто прокламируется. А это может быть чревато постепенной идейной, ценностной, организационной подчиненностью российского образования западным интересам. Насколько они соответствуют национальным интересам России — большой и открытый вопрос.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Глобалистика: международный энциклопедический словарь. — М.; СПб.: Нью-Йорк, 2006. — С. 163–164, 181–182.

2. *Серебряков, Ф.Ф.* Человек в ситуации современного «глобализма» / Ф.Ф.Серебряков // Человек перед лицом глобального вызова. — Казань, 2006. — С. 30, 31.

3. *Мукаржевский, Я.* Исследования по эстетике и истории искусства / Я.Мукаржевский. — М., 1994. — С. 487.

4. *Гребнев, Л.* «Анти-Болонья»: позиция или поза? / Л.Гребнев // Высшее образование в России. — 2005. — № 9. — С. 9–13.

5. *Майбуров, И.* Финансирование высшего образования: «национальные особенности» / И.Майбуров // Высшее образование в России. — 2004. — № 10. — С. 37.

6. *Запесоцкий, А.* Ставка — будущее России, Азартная игра — Болонский процесс / А.Запесоцкий // Высшее образование в России. — 2005. — № 9. — С. 3–8.

Summary

The article considers the essence of the process of education globalization. The author studies the problems of modernization of Russian education in the context of Bologna process, estimates the possible risks and expected acquisitions resulted by the modernization.